

ИСТОРИОГРАФИЯ «ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ» В РОССИИ XVIII в.

С. М. Троицкий

В политике, как в фокусе, проявляются важнейшие процессы, протекающие в социально-экономическом развитии страны¹.

Большое влияние на характер внутренней политики государства в России XVII—XVIII вв. оказывала борьба между различными слоями господствующего класса феодалов и его правящими группировками². Нередко переход власти к той или иной прослойке господствующего класса феодалов сопровождался не только перераспределением «теплых местечек» при дворе и в государственном управлении, получением щедрых наград, но и серьезными переменами во внутренней и внешней политике страны. Поэтому для историка очень важно разобраться в характере этих переворотов и вскрыть их истинную подоплеку, чтобы правильно оценить их значение для исторического развития России.

Частые «дворцовые перевороты», последовавшие после смерти Петра I, привели к тому, что дворянские и буржуазные историки время с 1725 по 1762 г. стали называть «периодом дворцовых переворотов». На самом деле для появления такого термина нет достаточных оснований, так как острая борьба между интересами отдельных группировок господствующего класса феодалов имела место и до и после этих переворотов. Достаточно напомнить о борьбе боярства за власть в малолетство Ивана IV и после его смерти вплоть до воцарения Михаила Романова в 1613 г., дело царевича Алексея, убийство императора Павла I в 1801 г. и другие подобные случаи.

В настоящей статье предпринята попытка критически рассмотреть историографию вопроса с тем, чтобы правильнее оценить накопленный материал и поставить некоторые проблемы политической истории России этого периода, требующие дальнейшей разработки.

Частые смены императоров на российском престоле, последовавшие за смертью Петра I, появление на троне малолетних детей и (впервые в русской истории) женщин, а также многочисленные дворцовые заговоры и интриги, приводившие к возвышению одних фавори-

¹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 346; т. 15, стр. 155.

² Известно, что в период, последовавший за смертью Петра I в 1725 г. и до воцарения Екатерины II в 1762 г., то есть за 37 лет, в России сменялось шесть императоров: Екатерина I (1725—1727 гг.), Петр II (1727—1730 гг.), Анна Ивановна (1730—1740 гг.), Иван Антонович (1740—1741 гг.), Елизавета (1741—1761 гг.), Петр III (1761—1762 гг.), Екатерина II (1762—1796 гг.). Некоторые из этих правителей пришли к власти в результате «дворцовых переворотов» (Екатерина I, Анна Ивановна, Елизавета, Екатерина II).

тов и падению других, засилье в 30-х годах XVIII в. иностранцев при дворе и в высшем управлении, сопровождавшееся казнями многих предстателей известных русских княжеских и дворянских фамилий, — все это вызывало острейший интерес еще у современников. Первые попытки осмыслить эти события относятся к последней трети XVIII — началу XIX века.

Так, видный сановник Екатерины II граф П. И. Панин в составленных в 70-х годах XVIII в. «Замечаниях» дал весьма резкую оценку «дворцовому перевороту», утвердившему на троне Анну Ивановну, которая сделала Бирона своим фаворитом. По мнению П. И. Панина, «ничем не обузданное лихоимство Бирона» привело к террору. Императрица Анна Ивановна «обесславила» себя тем, что дала власть иноземному фавориту, который принес «народу» зло. Поэтому «народ» был доволен свержением деспота³. Ссылка вельмож в регентство Бирона и Анны Леопольдовны, а также после захвата власти Елизаветой Петровной тоже вызвала осуждение П. И. Панина⁴.

Пытаясь затушевать истинную причину репрессий в отношении стремившейся к олигархии аристократии, П. И. Панин объяснял их личным «пристрастием» временщиков. Внушениями «иноплеменного изверга» Бирона он объяснял и жестокую расправу с членами кружка А. П. Волынского⁵. Аналогичные оценки правления Анны Ивановны и Бирона даны также в сочинениях другого идеолога родовитой знати — князя М. М. Щербатова, подчеркивавшего «повреждение нравов» в этот период. По его мнению, А. П. Волынский погиб из-за своей ссоры с иноземными временщиками и неприязни окружавших его лиц⁶. В качестве основной причины «дворцовых переворотов» М. М. Щербатов отмечал недостаток «основательных законов», которые бы точно определяли порядок престолонаследия, измененный в 1722 г. Петром I⁷. В дальнейшем многие дворянские и буржуазные историки повторяли, всячески варьируя, это объяснение причины «дворцовых переворотов».

Подобным же образом трактовал время правления Анны Ивановны дворянский историк Т. Мальгин, утверждавший, что лишь после воцарения «мудрой» императрицы Елизаветы прекратились все «суровости» и «народ», особенно «знатные», облегченно вздохнул⁸.

Несколько иначе оценивал «дворцовые перевороты» идеолог консервативного дворянства историк Н. М. Карамзин. По его мнению, реформы Петра I нарушили «старину», ослабили власть духовную и разорвали связи «народа» и «дворянства». Н. М. Карамзин считал, что после смерти Петра I «аристократия, олигархия губили отечество». Это привело к тому, что «самодержавие сделалось необходимее прежнего для охранения порядка». Отклонение Анной Ивановной ограничивающих самодержавие кондиций вызвало одобрение историка и было расценено им как проявление желания «народа, дворян и духовенства»⁹. Однако он полагал, что лишь Екатерина II «очистила самодержавие от примесей тиранства»¹⁰. Тем самым Н. М. Карамзин в косвенной форме

³ «Русский двор в 1725—1744 гг. Замечания гр. П. И. Панина на Записки ген. Манштейна о России». «Русская старина», 1879, № 11, стр. 403—404, 409; № 12, стр. 570, 580—581.

⁴ «Русская старина», 1879, № 12, стр. 599, 608, 614.

⁵ «Русская старина», 1879, № 11, стр. 390—392.

⁶ М. М. Щербатов. О повреждении нравов в России. СПб. 1906, стр. 43—44, 46, 49.

⁷ Там же, стр. 31.

⁸ Т. Мальгин. Зерцало российских государей. СПб. 1791, стр. 137—138.

⁹ Н. М. Карамзин. Записка о древней и новой России. СПб. 1914, стр. 28—32. Ср. также А. Вейдемейер. Обзор главнейших происшествий в России с кончины Петра Великого до вступления на престол Елизаветы Петровны. СПб. 1832, ч. 1—3, стр. 114.

¹⁰ Н. М. Карамзин. Указ. соч., стр. 37.

тоже выразил свое отрицательное отношение к репрессиям против знати в 30—40-х годах XVIII века.

Таким образом, первые работы дворянских историков свидетельствовали о том, что эти историки воспринимали «дворцовые перевороты» и их последствия главным образом с позиций родовитой аристократии, чьи олигархические замыслы потерпели крушение. В то же время представители исторической школы Н. М. Карамзина обосновывали мысль о том, что эти попытки потерпели неудачу якобы в результате исконной приверженности «народа» к самодержавию. И то и другое направления, как мы увидим далее, оказали большое влияние на последующее развитие исторической мысли.

В 30—50-х годах XIX в. в исторической литературе широкое распространение получает мнение о том, что в 1725—1741 гг. в России происходила борьба русской и иностранной придворных «партий» за фаворитизм и влияние на императорскую власть. Участники этой борьбы вдохновлялись только личные интересы (честолюбие, собственная выгода и т. д.). Это была новая точка зрения. Так, И. Шишкин писал, что после смерти Петра I в России кончились реформы и наступило «время разгула личных страстей и личных стремлений, не связанных никем и ничем». «Тогда-то,— подчеркивал он,— начались эти изумительные события, эти непостижимые coups d'état, о которых ничего не знали в Петербурге с вечера...» По его мнению, все перевороты совершали «русские немцы и онемечившиеся русские с помощью гвардии». В результате весь «народ» и «все русское боярство отодвигается на второй план, и немецкий элемент полновластно вонзается и господствует на Руси»¹¹. Лишь при Елизавете восстанавливаются в России все «русские начала», кончается «переходная эпоха». Все перевороты, по мнению автора, совершались в результате «чувств» и «страстей» тех или иных лиц, что особенно ярко проявилось в судьбе А. П. Волынского.

Такой же точки зрения при освещении дворцовых переворотов придерживались К. Арсеньев¹², М. И. Семевский¹³, М. Д. Хмыров¹⁴ и другие историки.

Не видя социального смысла в проходивших событиях, дворянские историки описывали лишь внешнюю их сторону и объясняли борьбу придворных группировок между собою психологическими категориями, такими, как «властолюбие», «тщеславие», «лихонство» и т. п., а также борьбой «русских» и «иностранных» деятелей.

В 40—50-х годах XIX в. появляются первые работы буржуазных историков — Н. А. Полевого, С. В. Ешевского, П. К. Щербальского, касающиеся «дворцовых переворотов» в середине XVIII века¹⁵. Политическую историю России во второй четверти XVIII в., в том числе и «дворцовые перевороты», они уже пытались рассматривать в связи с дальнейшей судьбой реформ Петра I, которые они безоговорочно считали благотворными для России. Тем самым была сделана попытка поставить «дворцовые перевороты» в связь с внутренним развитием

¹¹ И. Шишкин. События в Петербурге в 1740 и 1741 гг. «Отечественные записки», 1858, № 5, стр. 275, 277—278.

¹² К. Арсеньев. Царствование Петра II. СПб. 1839, стр. 25—26, 40, 45—46, 55—56 и др.

¹³ М. И. Семевский. Елизавета Петровна до восшествия своего на престол. «Русское слово», 1859, кн. 2, стр. 209—278; его же. Первый год царствования Елизаветы Петровны. 1741—1742. Там же, кн. 6, стр. 221—326.

¹⁴ М. Д. Хмыров. Граф Лесток. См. его кн. «Исторические статьи». СПб. 1873, стр. 72, 138—140 и др.; его же. Графиня Е. И. Головкина и ее время (1701—1791 гг.). СПб. 1867.

¹⁵ Н. Полевой. Столетие России с 1745 до 1845 г. СПб. 1845, ч. 1—2; С. В. Ешевский. Очерк царствования Елизаветы Петровны. См. его кн. «Сочинения». Т. 2. М. 1870; П. К. Щербальский. Вступление на престол имп. Анны. «Русский вестник», 1859, кн. 1; его же. Чтения по русской истории. Вып. 4. М. 1874, и др.

страны, что было определенным шагом вперед в истолковании этих событий.

Наиболее полно такая точка зрения изложена Н. А. Полевым. Он считал, что после смерти Петра I, в 1725—1762 гг., в острой борьбе сторонников «нового» и «старого» происходила проверка его начинаний¹⁶. Оценивая вслед за дворянскими историками самодержавие как благодетельный фактор для исторического развития России, Н. А. Полевой осуждал «дворскую крамолу» — борьбу дворянских группировок за власть в период правления Екатерины I и Петра II, так как это ослабляло государство. По этой же причине он осудил олигархические намерения верховников и засилье иностранцев в государственном управлении при Анне Ивановне¹⁷. Идеализируя личность Елизаветы, Н. А. Полевой считал, что с ее воцарением кончился для России «траур, продолжавшийся слишком шестнадцать лет», исчезла опасность для «коренных постановлений в государственном правлении», то есть для самодержавия¹⁸.

С. В. Ешевский в своем курсе подчеркивал ту мысль, что перевороты прервали поступательное развитие России по пути, намеченному реформами Петра I. В это время вплоть до Екатерины II, полагал он, «не было системы, все совершалось по случайным распоряжениям», русская история фактически сводилась «к истории частных лиц, отважных или хитрых временщиков, к истории борьбы известных партий, придворных интриг»¹⁹. Такое положение, по мнению С. В. Ешевского, было результатом того, что в России «нравы менялись едва ли не с каждым царствованием»²⁰. Тем самым он повторял популярный среди дворянских историков тезис о «разгуле страстей» как основной причине «дворцовых переворотов». Новым в работе С. В. Ешевского было то, что он первый в литературе того времени выдвинул вопрос о закономерности «периода дворцовых переворотов», хотя и понимал его идеалистически, как и сами перевороты²¹. Но, поставив этот важный вопрос, он ограничился лишь констатацией факта.

Однако в целом следует отметить, что во взглядах дворянских и первых буржуазных историков на причины и оценку значения «дворцовых переворотов» середины XVIII в. в русской истории было очень много общего.

Своеобразным итогом развития взглядов дворянских и буржуазных историков конца XVIII — первой половины XIX в. на причины и характер «дворцовых переворотов» в России явилась концепция крупнейшего буржуазного историка С. М. Соловьева. Он справедливо выступил против многих представителей современной ему историографии, считавших вторую четверть XVIII в. темным периодом русской истории. Именно в эти годы, писал историк, «новый порядок остался и развивался», так как реформы вытекали «из условий предшествовавшего положения русского народа»²². Как убедительно сумел показать С. М. Соловьев, «новое», несмотря на многочисленные отступления, побеждало. Такая трактовка «периода дворцовых переворотов» сближала точку зрения С. М. Соловьева с мнением Н. А. Полевого. С. М. Соловьев первый из русских историков получил сравнительно свободный доступ к секретным документам Государственного архива Российской империи. Поэтому в своем труде он привел обширные данные по истории «дворцовых переворотов», послужившие в известной мере базой для

¹⁶ Н. Полевой. Указ. соч., стр. 43, 46—47, 92—93.

¹⁷ Там же, стр. 47—51.

¹⁸ Там же, стр. 55, 57.

¹⁹ С. В. Ешевский. Указ. соч., стр. 365—366, 373, 537.

²⁰ Там же, стр. 373.

²¹ Там же, стр. 366.

²² С. М. Соловьев. История России. Кн. IX. М. 1963, стр. 555, 590.

других исследователей и не утратившие справочного значения до сих пор.

Однако подробно описав все обстоятельства, связанные с воцарением Екатерины I и ее преемников на русском троне, а также борьбу придворных группировок за власть в 1725—1762 гг., С. М. Соловьев, по сути дела, не дал ничего нового для понимания причин и характера «дворцовых переворотов». В своем труде он свел воедино высказанные до него оценки «дворцовых переворотов». По мнению С. М. Соловьева, в основе борьбы придворных группировок в 1725—1730 гг. лежало столкновение интересов придворных «партий», возглавляемых «сильными людьми», пытавшимися путем дворцовых интриг стать фаворитами правителей²³. Борьбу «знатных фамилий или родов» С. М. Соловьев рассматривал в идеалистическом плане как результат отсутствия «сознания общих интересов», привычки русских людей действовать сообща, «кумпанствами»²⁴. После того, как Анна Ивановна, уничтожив кондиции, пригласила иностранцев для укрепления своего положения, в 30-х годах XVIII в. борьба «партий» и «фамилий» была направлена главным образом против засилья «немцев» во главе с Бироном, оскорблявших «национальное чувство» всего «народа». Заговор гвардии привел к власти дочь Петра I Елизавету; началось удаление иноземцев и «возвращение к правилам Петра Великого»²⁵. Привлечение Петром III к государственному управлению «немцев» и его «недостойное» поведение снова вызвало недовольство «народа»; жена императора Екатерина II «страдала вместе с русскими людьми». Вновь возник заговор против неугодного царя, и Петр III был свергнут²⁶.

Идеализируя государственную власть и считая ее надклассовой силой, выступающей выразительницей интересов всех слоев населения, С. М. Соловьев неодобрительно относился к попыткам ослабить самодержавие в 1725—1730 гг. и в 1730 году²⁷. Особенно резкое осуждение историка вызвало то обстоятельство, что с провозглашением в 1740 г. регентом Бирона при императоре-младенце Иване Антоновиче «власть царей русских перешла» к немцу. Это означало дискредитацию императорской власти, что «переносить было нельзя». Поэтому «общество волновалось под невыносимым гнетом стыда, оскорбленного народного чувства», что и предопределило падение Бирона²⁸.

Стремясь доказать глубоко реакционный тезис о том, что самодержавие в России опиралось на поддержку всего народа и проводило политику в его интересах, С. М. Соловьев пытался представить борьбу верхов господствующего класса феодалов между собою за власть как массовое движение «всего общества, всего народа», за восстановление самодержавной власти законных русских царей²⁹.

В действительности «народное большинство», то есть многомиллионная масса крестьян и посадских людей, было политически бесправным и не принимало, да и не могло принимать, никакого участия в «дворцовых переворотах».

Дворянская и буржуазная историография создали глубоко идеалистическую концепцию «дворцовых переворотов», основывавшуюся на признании решающей роли самодержавия в истории России. Постоянное подчеркивание историками отсутствия какого-либо социального смысла в этой борьбе и стремление представить ее как «разгул стра-

²³ Там же. Кн. X. М. 1963, стр. 72—73, 109—110, 120—121, 140, 198—201; кн. XI. М. 1963, стр. 21 и др.

²⁴ Там же. Кн. X, стр. 121, 199.

²⁵ Там же. Кн. XI, стр. 145.

²⁶ Там же. Т. 25, кн. 5. Изд. 3-е, б. м. и б. г., стр. 1304, 1310—1311, 1318.

²⁷ Там же. Кн. X, стр. 203—204.

²⁸ Там же, стр. 11, 12, 50, 51, 101 и др.

²⁹ Там же, стр. 67, 72; кн. XI, стр. 16—17, 22, 97, 101 и др.

тей» «сильных персон» или борьбу «русской» и «немецкой» партий, во время которой «народ» выступает в поддержку самодержавия, преследовало определенные политические цели. Такая трактовка «дворцовых переворотов», отрицавшая социальные конфликты в прошлом, отвечала настроениям монархического дворянства и либеральной буржуазии, которые были заинтересованы в укреплении государственной власти, проводящей реформы «сверху».

Некоторые события из эпохи «дворцовых переворотов» вызвали в первой половине XIX в. интерес представителей демократической и революционной интеллигенции. Так, декабрист К. Ф. Рылеев в 1822 г. опубликовал думу «Волынский». Он создает идеализированные образы Анны Ивановны и Волынского, который во имя любви к родине «открыл» императрице «вину народных бедствий» и погиб в результате происков Бирона. Такими же настроениями проникнута и его дума «Голова Волынского»³⁰. Борьба объединившихся вокруг А. П. Волынского русских дворян с засильем иностранцев при дворе Анны Ивановны была использована К. Ф. Рылеевым для пропаганды идеи служения народу и борьбы против «тиранов лютых».

В. Г. Белинский назвал период «дворцовых переворотов», последовавший за смертью Петра I, «темной годиною» русской истории, во время которой Россия влачила «в колею, проложенной Петром, не двигаясь вперед»³¹.

По мнению А. И. Герцена, после смерти Петра I «в стране воцарилась полнейшая правительственная анархия»³². Петербург в это время «видел только серальные перевороты, низвержения и празднования». В итоге, писал А. И. Герцен, «сегодняшние министры и генералы уже на следующий день шли, закованные в кандалы, на место казни или отправлялись в Сибирь». При дворе царил засилье «немцев», в правлении Анны и Елизаветы усилился разврат придворных и императриц³³. Вся история самодержавной России и Романовых в середине XVIII в. — это «уголовное дело», говорил А. И. Герцен в одной из своих работ³⁴. С осуждением тирании «немцев» и Бирона выступал и Белинский³⁵.

В ярких и образных, полемически заостренных оценках переворотов и представителей правящей династии в XVIII в., данных А. И. Герценом, чувствуется явная революционная направленность, стремление развенчать русское самодержавие и его апологетов в исторической науке. Подчеркивая антинародный, верхушечный характер «дворцовых переворотов» середины XVIII в., А. И. Герцен писал: «Народ нисколько не интересовался призраками, которые нетвердыми шагами взбирались по ступеням трона, скользили, словно тени, и исчезали в Сибири, либо в казематах. Народ был уверен, что его во всяком случае будут грабить»³⁶.

Касаясь взглядов дворянских и буржуазных историков в конце XIX — начале XX в. на «дворцовые перевороты», необходимо отметить большое влияние на дворянско-буржуазную историографию концепции «переворотов», данной С. М. Соловьевым. Авторы многих специальных работ продолжали рассматривать их как результат борьбы «частных интересов» и отдельных лиц «старой» и «новой» знати, «русских» и «немцев», подробно описывали придворные интриги и любовные похождения

³⁰ К. Ф. Рылеев. Стихотворения. Статьи. Очерки. Докладные записки. Письма. М. 1956, стр. 141—143, 144—146.

³¹ См. В. Е. Иллерицкий. Исторические взгляды В. Г. Белинского. М. 1953, стр. 204.

³² А. И. Герцен. Собрание сочинений. Т. VII. М. 1956, стр. 176.

³³ Там же. Т. II. М. 1954, стр. 40; т. VII, стр. 177—178.

³⁴ Там же. Т. XIII. М. 1958, стр. 295.

³⁵ См. В. Е. Иллерицкий. Указ. соч., стр. 205.

³⁶ А. И. Герцен. Собрание сочинений. Т. XIII, стр. 381; см. также стр. 156.

ния русских императриц и их приближенных. Неупорядоченность вопроса о порядке наследования престола называлась в качестве главной причины «дворцовых переворотов», делалась попытка обосновать реакционный тезис о глубокой заинтересованности русского народа в сохранении неограниченного самодержавия в России в середине XVIII века³⁷. Особенно ярко это проявилось в курсе лекций по русской истории С. Ф. Платонова, прочитанном в конце XIX — начале XX века. В нем Платонов почти буквально повторил трактовку причин и характера «дворцовых переворотов», данную С. М. Соловьевым³⁸.

В то же время среди части буржуазных историков обнаруживается стремление отойти от некоторых традиционных представлений в объяснении «дворцовых переворотов», попытаться дать им более глубокое истолкование и установить определенную закономерность в этих событиях. Одной из самых ранних попыток подобного рода являются работы Е. Карновича. Возражая против широко распространенной в его время версии официальной историографии о том, что «дворцовые перевороты» середины XVIII в. были случайным делом отдельных персон, Е. Карнович писал: в них заметна «своего рода историческая последовательность и постепенность»³⁹. Он считал и «бироновщину» закономерным этапом в истории России, так как ее характерные черты (казни вельмож, фаворитизм, злоупотребления властью и т. п.) существовали и до правления Анны Ивановны и позже — при Елизавете и Екатерине II⁴⁰. Е. Карнович выступил также против распространенного в современной ему литературе мнения о том, что «народ» якобы был весьма заинтересован судьбой престола и играл в переворотах активную роль. В действительности, писал он, народ был «совершенно удален от разрешения государственных вопросов» и был равнодушен к переворотам. Так, если С. М. Соловьев писал, что «общество негодовало», когда был провозглашен регентом Бирон, то Е. Карнович подчеркнул, что этот факт не возбудил «никакой оппозиции ни в народе, ни в обществе». Смена монарха на троне гораздо сильнее волновала вельмож, которые и решали этот вопрос «в аристократическом круге»⁴¹.

Однако, высказав ряд верных наблюдений, Е. Карнович в целом не смог раскрыть истинные причины переворотов и объяснял их неупорядоченностью вопроса о престолонаследии⁴².

Очередную попытку критически рассмотреть традиционные для дворянской и буржуазной историографии оценки «дворцовых переворотов» предпринял В. Строев. Он попытался найти историческое оправ-

³⁷ См. В. В. Андреев. Представители власти в России после Петра I. СПб. 1870; П. В. Долгоруков. Время имп. Петра II и имп. Анны Иоанновны. М. 1909; П. А. Корсаков. А. П. Волынский. «Древняя и новая Россия». Т. 1. СПб. 1876, стр. 45—60; т. 2. СПб. 1876, стр. 23—38, 97—114, 214, 234, 277—295; его же. Князь И. А. Долгорукий. Фаворит и обер-камергер имп. Петра II. Там же. Т. 1. 1879, стр. 31—52; его же. А. П. Волынский и его «конфиденты». «Русская старина», 1885, т. 48, и др.; его же. Воцарение имп. Анны Ивановны. Казань. 1880; Н. Н. Фирсов. Вступление на престол имп. Елизаветы Петровны. Казань, 1888; В. А. Бильбасов. История Екатерины II. Т. 2. Воцарение Екатерины. 1762—1764. СПб. 1891, и др.

³⁸ См. С. Ф. Платонов. Лекции по русской истории. СПб. 1909, стр. 512—513, 518, 525—527, 533—534 и др. Ср. также В. Я. Уланов. Эпоха дворцовых переворотов (1725—1762). Сборник «Три века». Вып. 4. М. 1913, стр. 62—68, 110 и др.; М. Богословский. Императрица Елизавета Петровна. Там же, стр. 157—169; «Государи из дома Романовых. 1613—1913. Жизнеописания царствовавших государей и очерки их царствований. Под ред. Н. Д. Чечулина». Т. 1. М. 1913, и др.

³⁹ Е. Карнович. Замыслы верховников и челобитчиков в 1730 г. «Отечественные записки», 1872, № 1, стр. 209—210.

⁴⁰ Е. Карнович. Значение бионовщины в русской истории. «Отечественные записки», 1873, № 10, стр. 541—543, 546—551; № 1, стр. 128—130, 142 и др.

⁴¹ Е. Карнович. Замыслы верховников..., стр. 213, 214, 218; его же. Значение бионовщины в русской истории, стр. 108—109.

⁴² Е. Карнович. Замыслы верховников..., стр. 210, 214—215.

дание репрессиям и террору против знати в период правления Анны Ивановны, стремившейся «смирить те элементы», которые хотели «ограничить верховную власть»⁴³. В. Строев не без оснований писал, что «о так называемых немецкой и русской партиях того времени... было наговорено в нашей литературе столько глупостей». В действительности, как он полагал, при дворе и в государственном управлении было гораздо больше русских, чем немцев. «Мученик за русское дело», А. П. Волынский разрабатывал свои планы вместе с немцами (Эйхлер, Менгден и др.). При этом В. Строев отметил, что недовольство действиями правительства обычно выливалось в ненависть к «немцам», а это было выгодно правящим кругам⁴⁴.

В условиях роста революционного движения в России в конце XIX — начале XX в. либеральная буржуазия выступала за сохранение сильной монархии, ограниченной умеренной конституцией, видя в этом средство предотвращения народной революции. В то же время крупная буржуазия, заинтересованная в проведении некоторых реформ, стремилась получить доступ к государственному управлению. Для достижения этих целей в настоящем она обращалась к прошлому России, стремясь обосновать тезис об отсутствии в русской истории каких-либо конфликтов между «властью» и «народом» и показать царизму, что и в прошлом имели место конституционные движения. По мнению многих буржуазных историков, наиболее ярким примером «конституционного движения» был «дворцовый переворот» 1730 г., во время которого верховники и часть дворян предприняли попытку ограничить самодержавие. Этим и объяснялся усиленный интерес буржуазной историографии на рубеже XIX и XX вв. к «затейке» верховников.

Впервые такая трактовка «дворцового переворота» 1730 г. была дана в монографии Д. А. Корсакова, подробно изучившего политические планы верховников и шляхты и опубликовавшего кондиции Верховного тайного совета, проекты дворян и списки лиц, участвовавших в заговоре. Он повторил тезис о том, что их выступление было вызвано нерешенностью вопроса о престолонаследии после смерти Петра I. Избрав Анну Ивановну императрицей и ограничив ее власть кондициями, верховники, по мнению Д. А. Корсакова, предполагали «выработать прочные основания государственного устройства», то есть конституцию. Аналогичные намерения имела и шляхта, подавшая императрице свои проекты. И те и другие, как считал историк, защищали не только свои интересы, но и интересы других сословий (духовенства, крестьян). Верховников и шляхту автор рассматривал лишь как группы лиц, участвовавших в верховном управлении государством, и отрицал то, что они выступали выразителями интересов отдельных прослоек господствующего класса. «Обвинять шляхетство в сословном эгоизме и своекорыстии,— писал он,— столь же странно, как обвинять верховников в олигархии»⁴⁵. Д. А. Корсаков полагал, что основные причины провала «затейки» верховников следует объяснять «гордостью» и «самонадеянностью» их вождя Д. М. Голицына и отсутствием связи с дворянством, духовенством и генералитетом, а не выступлением шляхты.

В оценке «дворцовых переворотов» и характера выступлений аристократии в 1730 г. к Д. А. Корсакову был близок крупный буржуазный историк В. О. Ключевский, назвавший историю России от 1725 до 1762 г. «эпохой дворцовых переворотов»⁴⁶. По мнению В. О. Ключевского, главной причиной переворотов было то, что Петр I нарушил законный порядок престолонаследия, издав свой указ 5 февраля 1722 го-

⁴³ В. Строев. Бироновщина и Кабинет министров. Ч. I. М. 1909, стр. 34—35.

⁴⁴ Там же, стр. 55, 56—57, 58.

⁴⁵ Д. А. Корсаков. Воцарение имп. Анны Ивановны, стр. 295.

⁴⁶ В. О. Ключевский. Курс русской истории. Т. IV. М. 1958, стр. 258.

да. «...Престол был отдан на волю случая и стал его игрушкой»⁴⁷. Тем самым он подчеркивал только стихийность переворотов. В. О. Ключевский писал: «В государстве с абсолютной властью судьба русского престола оказала решительное действие на ход дел и действие, несогласное с духом и планом преобразований»⁴⁸.

В. О. Ключевский не ограничился констатацией того факта, что гвардия играла крупную роль в «дворцовых переворотах», а подчеркнул, что она «была представительницей целого сословия (дворянского.— С. Т.), из среды которого исключительно комплектовалась»; в результате «дворцовых переворотов» возросло политическое значение не только гвардии, но и всего дворянства; в истории России с конца 20—30-х годов XVIII в. наступает период «дворянновластия»⁴⁹. Тем самым В. О. Ключевский одним из первых среди дореволюционных историков поставил вопрос о социальных последствиях «дворцовых переворотов» для исторического развития России. При оценке «дворцового переворота» 1730 г. В. О. Ключевский подчеркнул, что «народа в нашем смысле слова в кругах, писавших проекты, не понимали или не признавали»⁵⁰.

Стремясь доказать отсутствие социальных конфликтов между верховной властью и «обществом», В. О. Ключевский повторил в общем тезис Д. А. Корсакова, что в конечном счете в событиях 1730 г. «фамильные тягались с фамильными». И лишь политическая незрелость шляхетства и верховников, неумение действовать сообща помешали сделать то, что было у всех на устах: «превратить высшие правительственные учреждения в общественные, выборные, т. е. представительные»⁵¹.

Очередную попытку оценить «затейку» верховников в 1730 г. предпринял в 1894 г. в статье «Верховники и шляхетство» будущий лидер либерально-монархической буржуазии П. Н. Милюков. Целью заговора верховников он также считал установление в России конституционного режима при сохранении монархии. Изучив русские и особенно иностранные источники, П. Н. Милюков пришел к выводу, что в теории проект лидера верховников Д. М. Голицына был не узкосословным, а конституционным, отвечавшим интересам всего общества. Однако на практике этот проект не был полностью реализован. При этом автор ошибочно считал, что он почти полностью был заимствован из Швеции⁵².

На несколько иных позициях в оценке «дворцового переворота» 1730 г. стоял в годы первой русской революции М. М. Богословский, впоследствии крупный советский историк. В тот период он разделял взгляды либеральной буржуазии, примыкавшей к октябристам. По его мнению, выразителем интересов всего общества выступало в этом движении дворянство⁵³. М. М. Богословский попытался даже найти выступления подобного рода в более ранний период русской истории, сравнивая движение дворян в 1730 г. с выступлением бояр при воцарении Василия Шуйского и дворян во время восстания в Петербурге на Сенатской площади в 1825 г. и усматривая во всех этих случаях борьбу «за конституцию»⁵⁴. Такие исторические «параллели» понадобились автору для обоснования распространенного среди либеральной буржуазии тезиса о том, что на протяжении веков в России имели место конституционные движения. В настоящее время, считал М. М. Богослов-

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же, стр. 256.

⁴⁹ Там же, стр. 259, 266, 267, 304, 337.

⁵⁰ Там же, стр. 283—284, 288.

⁵¹ Там же, стр. 290—291.

⁵² См. П. Милюков. Верховники и шляхетство. В кн «В пользу воскресных школ». М. 1894.

⁵³ М. М. Богословский. Конституционное движение 1730 г. М. 1905, стр. 7—21, 22.

⁵⁴ Там же, стр. 31.

ский, борьбу за конституцию в России возглавляют «остатки дворянства, растворенные во всесословной интеллигентской массе», то есть буржуазии. Поэтому и политические притязания русской буржуазии в 1905 г. он расценивал как «всесословное конституционное движение»⁵⁵.

Стремление части буржуазных историков представить «дворцовые перевороты» в качестве выступлений «общества» за конституцию вызывало противодействие со стороны представителей официального охранительного направления в историографии. Так, А. С. Алексеев написал в 1896 г. специальную работу «Легенда об олигархических тенденциях «Верховного Тайного Совета в царствование Екатерины I», в которой пытался отрицать олигархические намерения знати во время «дворцовых переворотов» в 1725—1730 гг., видя в них вслед за С. М. Соловьевым лишь борьбу отдельных лиц за милости царя⁵⁶. В другой своей работе⁵⁷ А. С. Алексеев назвал выступление верховников в 1730 г. «интригой». Их действия вызвали у него резкую негативную оценку, так как, составив кондиции, ограничивающие самодержавие, и избрав в Совет двух фельдмаршалов (кн. Долгорукого и кн. Голицына), «зачинщики государственного переворота, узурпировавшие кредитительную власть и самовольно организовавшиеся в революционный комитет», сами упразднили Совет как законное учреждение и вызвали «всеобщее недовольство»⁵⁸.

С таких же идейных позиций освещал в начале XX в. историю «дворцовых переворотов» в курсе лекций, прочитанных в Московском университете, и другой монархически настроенный историк — М. К. Любавский. По его мнению, сразу же после смерти Петра I в России начался возврат «к испытанным порядкам московского периода», в том числе и в области престолонаследия, так как «общество» «не могло долго мириться с устранением от престола законного наследника», то есть внука Петра I царевича Петра Алексеевича⁵⁹. Отрицательно относясь к борьбе фаворитов между собою за власть, М. К. Любавский не без оснований сравнивал царствование Петра II с боярским правлением в юные годы Ивана IV⁶⁰. Высокую оценку М. К. Любавского получил «дворцовый переворот», приведший к власти Екатерину II, которая создала «сильную и авторитетную власть»⁶¹.

М. К. Любавский попытался выяснить социальные последствия «дворцовых переворотов» для истории России, отметив усиление «сословного унижения крестьянства» и рост привилегий дворянства с 30-х годов XVIII века⁶². Отметив, что после выступления в 1730 г. основная масса дворянства не участвовала в переворотах, он правильно объяснял это тем, что уже при Анне Ивановне дворяне «не чувствовали нужды в перемене правления», так как правительство удовлетворяло их сословные притязания⁶³.

Среди работ дворянских и буржуазных историков по интересующему нас вопросу, написанных в конце XIX — начале XX в., особое место занимают «Лекции по русской истории» (СПб, 1892) В. А. Мякотина. В домарксистской историографии В. А. Мякотин глубже, чем

⁵⁵ Там же, стр. 32. Точно так же оценивал «дворцовые перевороты» М. М. Богословский и в своем курсе лекций по истории России XVIII в. (М. М. Богословский и др. История России XVIII в. (1725—1796 гг.). М. 1915).

⁵⁶ «Русское обозрение», 1896, №№ 1—4.

⁵⁷ А. С. Алексеев. Сильные персоны в Верховном Тайном Совете Петра II и роль князя Голицына при воцарении Анны Ивановны. «Русское обозрение», 1897, №№ 6—11.

⁵⁸ «Русское обозрение», 1897, № 9, стр. 73, 93.

⁵⁹ М. К. Любавский. Русская история XVIII в. Ч. I. М. 1913, стр. 3, 14, 15.

⁶⁰ Там же, стр. 21.

⁶¹ Там же, Ч. II. М. 1913, стр. 3.

⁶² Там же, Ч. I, стр. 48, 49, 98.

⁶³ Там же, Ч. II, стр. 37—38.

кто-либо другой из современных ему историков, раскрыл подлинный смысл важнейших событий политической истории середины XVIII века. Он неоднократно отмечал, что «дворцовые перевороты» были делом рук лишь дворян и аристократии. Широкие народные массы в них не участвовали. «Народную массу,— писал он,— занимают иные интересы, отличные от интересов дворцовых партий, и когда временами сквозь шум «дворцовых переворотов» слышится гул народного движения, он является одинаково страшным для всех этих партий, заставляет всех забывать о своей вражде, соединяться вместе»⁶⁴. В. А. Мякотин убедительно показал, что в результате «дворцовых переворотов» произошло неуклонное усиление экономических и политических позиций дворянства⁶⁵.

Заслуживает внимания его объяснение причин «дворцовых переворотов». Опровергая утверждения дворянских и буржуазных историков о случайности переворотов и причинах, их порождавших, В. А. Мякотин писал, что шесть «дворцовых переворотов» в период с 1725 по 1741 г. были закономерным явлением в русской истории; они были вызваны не личными качествами правителей, их волей или неупорядоченностью вопроса о престолонаследии, а «силою условий», которые имели «более глубокую причину»⁶⁶. Эти причины автор правомерно усматривал в укреплении самодержавия при Петре I и политическом возвышении дворянства. Борьба за власть между шляхетством, формирующимся в привилегированное сословие, и остатками родовитой аристократии и приводила к частым «дворцовым переворотам». Дворяне, как верно подметил В. А. Мякотин, выступали не против самодержавной формы правления, а против действий временщиков (русских и иноземных), за расширение привилегий дворянства. «Перевороты эти были попытками со стороны различных групп дворянства разрешить вопросы, касавшиеся его политического быта»⁶⁷. Если вслед за С. М. Соловьевым большинство дворянских и буржуазных историков писало о том, что Елизавета пришла к власти в результате недовольства «всего народа», то В. А. Мякотин подчеркнул, что она была ставленницей среднего дворянства⁶⁸. Таким образом, В. А. Мякотин ближе, нежели другие буржуазные историки его времени, подошел к социальному анализу характера «дворцовых переворотов». В. А. Мякотин весьма полно показал, что в результате переворотов не только увеличивались экономические и политические привилегии дворянства, но и расширялись их права над крестьянами. В угоду помещикам государство превратило крестьян чуть ли не в их рабов, что вызывало непрекращающиеся волнения крепостных⁶⁹.

Однако, высказав ряд верных наблюдений о характере «дворцовых переворотов» в России в середине XVIII в., В. А. Мякотин не смог полностью преодолеть ограниченность буржуазной методологии. Автор в противоречии с фактами писал, что дворянство не имело определенных политических прав, ему не было гарантировано законом участие в управлении⁷⁰.

Приведенный материал свидетельствует о том, что в целом, несмотря на отдельные различия, дворянские и буржуазные историки не смогли дать правильное научное объяснение причин и характера «дворцовых переворотов», а также их значения для исторического развития России. Игнорируя уже существовавшее в то время марксистское уче-

⁶⁴ В. А. Мякотин. Лекции по русской истории. СПб. 1892, стр. 275—276.

⁶⁵ Там же, стр. 304.

⁶⁶ Там же, стр. 299—300.

⁶⁷ Там же, стр. 301—305.

⁶⁸ Там же, стр. 334—335.

⁶⁹ Там же, стр. 313—319, 338—345 и сл.

⁷⁰ Там же, стр. 306.

ние о классах и роли классовой и внутриклассовой борьбы в истории и отрывая политическую историю от экономической, они не видели обусловленности явлений политической истории глубинными процессами, протекавшими в экономике и социальной жизни России XVIII века.

Дворянская и буржуазная историография была не в состоянии раскрыть сложный противоречивый характер политической истории России XVIII в. и показать связь между случайностью и закономерностью, проявившуюся и в «дворцовых переворотах». Если поводы и внешние обстоятельства некоторых переворотов были в известной мере действительно случайны (например, смерть, болезнь того или иного деятеля), то истинные причины «дворцовых переворотов» таились в обострении внутриклассовых противоречий среди господствующего класса феодалов, что было связано с консолидацией его в единое привилегированное сословие и обострением антифеодальной борьбы трудящихся масс.

Огромное значение для подлинно научного изучения политической истории России в середине XVIII в., в том числе и «дворцовых переворотов», имело то обстоятельство, что в конце XIX — начале XX в. в трудах В. И. Ленина была разработана марксистская концепция русского исторического процесса. Именно в это время появляются первые марксистские работы по интересующей нас проблеме.

В. И. Ленин глубоко раскрыл классовый характер государства, в частности и в эпоху феодализма. Он дал определение классовой сущности русского самодержавия как диктатуры класса помещиков-крепостников, наметил основные этапы развития самодержавия. В. И. Ленин показал, что все изменения в политическом строе были обусловлены переменами в социально-экономическом развитии страны, а также обострением классовой и внутриклассовой борьбы. Он вскрыл истинную подоплеку той легкости, с которой совершались «дворцовые перевороты» в России, в результате чего одна группа дворян или феодалов отнимала власть у другой группы дворян⁷¹.

В 1910 г. с разоблачением антинаучных взглядов буржуазных историков о якобы «бесклассовом» характере государства выступил один из ближайших учеников и соратников В. И. Ленина, М. С. Ольминский, выпустивший под псевдонимом «М. Александров» книгу «Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России». В ней автор показал, что на протяжении многих веков государство в России являлось выразителем и защитником интересов класса феодалов. С усилением политического влияния дворянства, писал М. С. Ольминский, «роль главы иерархии (то есть монархии.— С. Т.) все более должна была сводиться к роли регистратора желаний господствующего класса, а в лучшем случае — к роли энергичного исполнителя объективно-классовых влений иерархической организации земледельцев». То обстоятельство, что абсолютный монарх управляет, не будучи ограничен законом, и породило у буржуазных ученых теорию о «надклассовости» самодержавия, которое якобы закрепило все сословия⁷². Именно позиция дворянства, являющегося основной опорой абсолютной монархии в XVIII в., привела к провалу всех попыток аристократии ограничить самодержавие⁷³.

Разоблачая утверждения дворянской и буржуазной историографии о том, что основная причина переворотов заключалась якобы в отсутствии упорядоченного закона о престолонаследии, он писал, что нигде и никогда «закон сам по себе, без поддержки общественных сил, не играл и не мог играть никакой роли»⁷⁴.

⁷¹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 397.

⁷² М. С. Ольминский. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. М.-Л. 1925, стр. 26, 67 и др.

⁷³ Там же, стр. 110—111, 118, 127, 147—148 и др.

⁷⁴ Там же, стр. 145.

М. С. Ольминский подверг критике утверждения С. М. Соловьева и других историков, видевших «в переворотах борьбу интересов националистических» — русских и иностранцев. «Националистические лозунги в переворотах XVIII в., — подчеркивал М. С. Ольминский, — были только внешней формой, прикрытием каких-то других интересов, более существенных»⁷⁵. Неспособность представителей высшей власти к государственному управлению, их личные качества, как показал М. С. Ольминский, тоже не могут служить объяснением причин «дворцовых переворотов». Реальные факты свидетельствуют о том, что верхушка дворянства при выборе императоров руководствовалась главным образом тем, насколько хорошо тот или иной человек будет служить классовым интересам дворянства. Именно этим и объяснялись многие «дворцовые перевороты»⁷⁶.

Анализируя историю «дворцовых переворотов» в России в середине XVIII в., М. С. Ольминский тонко подметил, что очень часто недовольство дворянства политикой абсолютного монарха направлялось не против него самого, а против его советников, «лишь бы не выходить из предела отстаивания по-разному понимаемых интересов господствующего класса»⁷⁷. К сожалению, это правильное наблюдение М. С. Ольминского почти не учитывается исследователями политической истории.

Однако справедливо критикуя пороки дворянской и буржуазной историографии, М. С. Ольминский сам допускал некоторые ошибки. Так, он в пылу полемики с современными ему историками, подчеркивая дворянский характер абсолютизма в России, опустил борьбу отдельных групп господствующего класса за власть, переоценил степень его политической консолидации⁷⁸. Он отождествлял дворянство с бюрократией: «бюрократия была дворянством, а дворянство бюрократией»⁷⁹, что было неверно. Такая односторонняя трактовка классовой природы абсолютизма в России свидетельствует о том, что М. С. Ольминский не принял во внимание высказывания В. И. Ленина о сложной классовой природе абсолютной монархии и самостоятельности самодержавия в отдельные периоды истории. «Самодержавие, — писал в 1902 г. В. И. Ленин, — удовлетворяет известные интересы господствующих классов, держась отчасти и неподвижностью массы крестьянства и мелких производителей вообще, отчасти балансированием между противоположными интересами, представляя собой, до известной степени, и самостоятельную организованную политическую силу»⁸⁰.

В 1911 г. в статье «Старое и новое» В. И. Ленин отметил ошибочность позиций М. С. Ольминского: «Забвение громадной самостоятельности и независимости «бюрократии» есть главная, коренная и роковая ошибка, например, М. Александрова в его известной книжке...»⁸¹.

На эту же ошибку М. С. Ольминского обратил внимание и В. В. Воровский. В 1912 г. в статье «О природе абсолютизма», написанной по предложению В. И. Ленина в связи с опубликованием книги М. С. Ольминского, он указывал на необходимость учитывать влияние борьбы отдельных прослоек и групп класса дворян на политику абсолютной монархии⁸².

В 1910—1914 гг. вышла в свет «Русская история с древнейших времен» М. Н. Покровского, во втором и третьем томах которой имел-

⁷⁵ Там же, стр. 146.

⁷⁶ Там же, стр. 147—151, 153—160.

⁷⁷ Там же, стр. 138.

⁷⁸ Там же, стр. 15.

⁷⁹ Там же, стр. 104—106.

⁸⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 6, стр. 144.

⁸¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 21, стр. 53.

⁸² В. В. Воровский. Соч. Т. I. М. 1933, стр. 203—206.

ся материал по истории «дворцовых переворотов». В соответствии со своей общей схемой о решающей роли торгового капитализма в истории России М. Н. Покровский считал, что в период между 1725 и 1730 гг. происходила «агония буржуазной политики» преемников Петра I⁸³. Под этим углом зрения М. Н. Покровский рассматривал и «дворцовые перевороты». В результате выступления дворянства в 1730 г. была свергнута власть Верховного Тайного Совета, представлявшего собой коалицию между крупной аристократией и представителями торгового капитала. Однако власть перешла не к русским дворянам, а к иностранцам во главе с Бироном. В итоге «началось господство западноевропейского капитала над русской внутренней и внешней политикой при Анне Ивановне»⁸⁴. «Новый феодализм», полагал Покровский, начался в России после воцарения Елизаветы в 1741 году. «Дворянское управление», по его мнению, продолжалось до воцарения в 1796 г. Павла I⁸⁵.

Приведенные выдержки свидетельствуют о том, что предлагаемая М. Н. Покровским оценка ряда важнейших событий внутриполитической истории России во второй четверти XVIII в., в том числе и сущности «дворцовых переворотов», была подчинена его общей схеме исторического процесса и была далека от действительности. Поэтому автор неверно определял социальные последствия «дворцового переворота» 1730 г. и преувеличивал влияние внешней политики на внутреннюю.

Н. А. Рожков, разделявший некоторые методологические установки М. Н. Покровского о решающей роли торгового капитала в русской истории, в своем труде «Русская история» высказал мнение о том, что в конце первой четверти XVIII в. завершилась дворянская революция, земледельческое дворянство приспособилось к торговому капитализму. Именно оно играло главную роль во всех политических переворотах в России середины XVIII века⁸⁶. Но как и М. Н. Покровский, Н. А. Рожков не сумел раскрыть сущность борьбы отдельных прослоек господствующего класса за власть. Так, борьбу правительства Анны Ивановны с родовитой аристократией за укрепление самодержавия он в значительной мере объяснял стремлением ее фаворита к «личному самовластию». Точно так же он трактовал и внутреннюю политику Петра III. Недовольство дворянства «личным самовластием» погубило и регента Бирона и Петра III⁸⁷.

В работах М. Н. Покровского и Н. А. Рожкова заслуживает внимания попытка авторов объяснить важнейшие события политической истории России этого периода изменениями в экономике и социальных отношениях страны и вскрыть классовый характер государства.

В первые годы после победы Великой Октябрьской социалистической революции было издано лишь несколько работ по истории «дворцовых переворотов». Все они были написаны до революции⁸⁸. Эти работы содержали некоторые новые факты.

В 1923 г. была опубликована статья советского историка С. В. Вознесенского, в которой он попытался с марксистских позиций раскрыть

⁸³ М. Н. Покровский, Русская история с древнейших времен. Т. 2. М. 1933, стр. 256, 267, 274 и др.

⁸⁴ Там же. Т. 3. М. 1933, стр. 514.

⁸⁵ Там же, стр. 30, 34 и др.

⁸⁶ Н. А. Рожков, Русская история в сравнительно-историческом освещении. Т. VII. Пггр.-М. 1923, стр. 5, 100.

⁸⁷ Там же, стр. 93—95.

⁸⁸ См. В. Н. Нечаев, Публикация о винах кн. А. Д. Меншикова. «Русский исторический журнал». 1921, кн. 7. Пггр., стр. 92—113; его же. Следственные допросы кн. А. Д. Меншикова. (По вновь найденным документам). Там же, кн. 8, стр. 115—150; Ю. Готье, «Проект о поправлении государственных дел» А. П. Вольнского. «Дела и дни». Кн. 3. Пггр. 1922, стр. 1—31; Н. Д. Чечулин, Екатерина II в борьбе за престол. По новым материалам. Л. 1924.

классовый характер «дворцовых переворотов» в 1725—1730 годах⁸⁹. Опираясь на некоторые методологические установки, содержащиеся в «Русской истории» М. Н. Покровского, автор показал дворянский характер внутренней политики правительства в это время и те изменения, которые были вызваны сдвигами в социально-экономическом развитии страны. В то же время некритически восприняв тезис М. Н. Покровского о решающей роли торгового капитала, С. В. Вознесенский повторил и некоторые неверные положения его схемы — об «агонии» торгового капитала⁹⁰.

В целом, в 20—30-х годах XX в. история «дворцовых переворотов» XVIII в., как и вся политическая история России XVIII в., не привлекала должного внимания марксистской историографии. Это объяснялось рядом обстоятельств, в том числе недостаточной изученностью политической истории России XVIII в. в дореволюционной и советской историографии и усилением внимания исследователей к истории экономики, социальных отношений и классовой борьбы.

Утверждение марксистской методологии в советской историографии и преодоление некоторых ошибочных положений концепции М. Н. Покровского сопровождалось появлением ряда марксистских работ, в том числе и по истории «дворцовых переворотов». В 1938 г. М. Семин в статье «Бироновщина»⁹¹ подверг критике взгляды М. Н. Покровского, объяснявшего с позиций экономического материализма историю «дворцовых переворотов». Однако, правомерно подчеркивая антинациональный характер действий Бирона и его иноземного окружения, автор, на наш взгляд, недостаточно учитывал социальную направленность «бироновщины», которая состояла в подавлении оппозиции русской аристократии.

Важное значение для понимания истории «дворцовых переворотов» в России в середине XVIII в. имел выход в свет вузовского учебника по истории СССР периода феодализма под редакцией акад. Б. Д. Грекова и курса лекций Г. А. Новицкого. В этих изданиях «дворцовые перевороты» в России в 1725—1762 гг. рассматривались в соответствии с ленинской концепцией политической истории России как проявление борьбы за власть между отдельными группировками господствующего класса феодалов. При этом справедливо подчеркивалось, что характер, конкретные формы и степень остроты этой борьбы определялись соотношением реальных сил среди верхов класса феодалов, а также подъемом антифеодальной борьбы трудящихся масс⁹².

Такая трактовка «дворцовых переворотов» середины XVIII в. получила широкое распространение в советской историографии, в том числе в коллективных трудах и учебных пособиях⁹³.

Для изучения классового характера «дворцовых переворотов» в середине XVIII в. и их роли в истории России существенное значение имело опубликование книги Я. Я. Зутиса «Остзейский вопрос в XVIII в.». Рассматривая «дворцовые перевороты» как проявление противоречий внутри господствующего класса феодалов, Я. Я. Зутис показал, что в этот период происходило дальнейшее усиление абсолютной монархии в России. Именно против этого и выступала старая знать. Заслужи-

⁸⁹ С. В. Вознесенский. Дворянская реакция после смерти Петра Великого. Из эпохи дворцовых переворотов. «Русское прошлое», 1923, кн. 2. Пгтр., стр. 22—54.

⁹⁰ Там же, стр. 28—29.

⁹¹ См. «Исторический журнал», 1938, № 4, стр. 25—39.

⁹² «История СССР». Т. 1. М. 1939, стр. 645—654, 656—664; Г. А. Новицкий. Образование Российской империи. Дворянская империя. 1725—1762 гг. Россия во второй половине XVIII в. М. 1940, стр. 53, 58, 63, 64, 72 и др.

⁹³ См. «Очерки истории СССР. Россия во второй четверти XVIII в.». М. 1957, стр. 247—268; В. В. Мавродин. Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России XVIII в. Л. 1964, и др.

ваает внимания выдвинутая Я. Я. Зутисом трактовка социальных последствий «дворцовых переворотов» 1730 и 1741 годов. По его мнению, после провала плана родовитой аристократии ограничить самодержавие в России правительством Анны Ивановны осуществило значительную часть требований дворян. Кровавым террором оно подавило оппозицию родовитой знати. После заговора 1741 г., приведшего к власти дочь Петра I Елизавету, правительство несколько смягчает репрессии против старой аристократии, но «по своей классовой сущности елизаветинское царствование отнюдь не было отрицанием бироновщины, а его естественным продолжением»⁹⁴. При этом Я. Я. Зутис отметил, что выяснение ряда важных аспектов внутренней политики правительства после «дворцового переворота» 1741 г. упирается в неизученность политической истории России в 40—50-х годах XVIII века⁹⁵.

Значительный интерес для изучения истории «дворцового переворота» 1730 г. представляют работы Г. А. Протасова⁹⁶. В первой из них автор убедительно опроверг мнение П. Н. Милюкова о том, что все содержание кондиций было заимствовано из законодательных актов других стран, и показал, что если в Швеции речь шла об ограничении власти короля в пользу сословий, то верховники отстаивали интересы крупных феодалов. Во второй статье Протасов попытался доказать, что известный памятник русской политической мысли 30-х годов XVIII в. — записка В. Н. Татищева «Произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном» была написана им для подачи Анне Ивановне не в феврале 1730 г., а позже, чтобы оправдать участие самого В. Н. Татищева в составлении проектов ограничения императорской власти частью русского дворянства.

Обзор работ дореволюционных и советских историков по истории «дворцовых переворотов» в России в XVIII в. свидетельствует о том, что для углубленного понимания внутренней и внешней политики этого периода необходимо монографически разрабатывать историю господствующего класса феодалов, консолидировавшегося в это время в привилегированное сословие. При этом следует уделить особое внимание исследованию конкретных проявлений противоречий внутри господствующего класса феодалов и тех форм, которые принимала борьба между отдельными прослойками феодалов в тот или иной период. Освещение этих вопросов с привлечением новых источников, несомненно, поможет глубже раскрыть сложный и противоречивый процесс формирования абсолютной монархии в России XVIII в., характер и темпы ее эволюции в направлении к «буржуазной монархии».

⁹⁴ Я. Я. Зутис. Остзейский вопрос в XVIII в. Рига. 1964, стр. 184—190, 200.

⁹⁵ Там же, стр. 186—187, 197—198.

⁹⁶ Г. А. Протасов. «Кондиции» 1730 г. и их продолжение. «Ученые записки» Тамбовского государственного педагогического института. Вып. XV, 1957, стр. 215—231; там же. Записка Татищева о «Произвольном рассуждении» дворянства в событиях 1730 г. «Проблемы источниковедения». Т. XI. М. 1963, стр. 237—265.